

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И УЧЕНИЙ

И. Д. Джохадзе

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.1.10343

«БОРЬБА ЗА ПРИЗНАНИЕ» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОБЕРТА БРЭНДОМА

Аннотация. В статье рассматриваются идеи американского философа-прагматиста, ведущего представителя питтсбургской школы неогегельянства Роберта Брэндома, его оригинальная «аналитическая» интерпретация Канта и Гегеля. Раскрывается содержание основных понятий философии Брэндома: «дискурсивное обязательство», «игра в обмен доводами», «нормативные статусы», «социальное самосознание», «инференциальные связи», «*de re* и *de dicto* интерпретации», «признание» (*Anerkennung*). Показано, как Брэндом, по примеру своего предшественника и учителя Р. Рорти, «деонтологизирует» Гегеля, подгоняя его под проблематику и канон логико-лингвистической и прагматической философии второй половины XX века. Основные методы исследования — рациональная реконструкция и сравнительно-сопоставительный анализ философских идей Гегеля и Брэндома на материале историко-философских работ Брэндома, публиковавшихся в 1990–2000-е годы. Впервые в отечественной историко-философской литературе представлена развернутая экспозиция идей практически не изученного в России философа — мыслителя, оказавшего значительное влияние на развитие неопрагматизма в США, способствовавшего «реабилитации» Гегеля и сближению англо-американской аналитической и континентальной философии в конце XX — начале XXI вв. **Ключевые слова:** аналитический прагматизм, инференциализм, дискурсивное обязательство, пропозициональное содержание, рациональная реконструкция, историческая реконструкция, интерпретация, признание, лингвистическая коммуникация, социальное само-сознание.

В англо-американской аналитической философии последних десятилетий наблюдается устойчивый рост интереса к европейской философской традиции, особенно к гегелевскому наследию. «Поворот к Гегелю» был инспирирован философами-аналитиками, выступившими с критикой «догм» эмпиризма и логико-семантического анализа. Среди них можно упомянуть У. Селларса, У. Куайна, Р. Рорти, Р. Бернштейна, а также позднего Л. Витгенштейна, оказавшего значительное влияние на американскую философию второй половины XX — начала XXI вв. «Хотя Витгенштейну нечего было сказать о Гегеле, — отмечает Т. Рокмор, — его атака на эмпиризм — первая в этом ряду — проложила путь последующим аналитикам... Нападки Селларса на миф о Данном непосредственно опираются на гегелевскую критику достоверности чувственного восприятия... Идя по этому пути, Селларс открыл двери для аналитической реабилитации Гегеля»¹.

¹ Рокмор Т. Гегель и границы аналитического гегельянства // Вопросы философии. 2002. № 7. С. 84.

Интересную интерпретацию кантовских и гегелевских идей предложил аналитический прагматист Роберт Брэндом, автор серии книг и статей, посвященных немецкому идеализму². Для Брэндома Кант — «прагматист *avant la lettre*»³. Трансцендентальная аналитика, считает американский философ, нанесла мощный удар по картезианскому репрезентационизму («зрительской» теории знания, согласно которой целью мышления и научного поиска является *репрезентация* реальности). Как показал Кант, человеческий разум не «открывает» законы природы, а «производит» их, *вкладывает* в природу;

² См.: Brandom R. *Tales of the Mighty Dead: Historical Essays in the Metaphysics of Intentionality*. Cambridge, 2002; Idem. *Kantian Lessons About Mind, Meaning, and Rationality* // *Philosophical Topics*. 2006. Vol. 34. № 1–2. P. 1–20; Idem. *Classical German Philosophy, American Pragmatism and Inferentialist Semantics* // *Philosophical Analysis*. 2010. Vol. 1. № 1. P. 170–177; Idem. *Hegel's Phenomenology* (forthcoming).

³ Brandom R. *Perspectives on Pragmatism: Classical, Recent, and Contemporary*. Cambridge, 2011. P. 4.

реальность несет на себе отпечаток нашей разумности и проективности. В действительности, говорит Брэндом, *что* человек видит и постигает (содержание его представлений) зависит от того, *как* он смотрит на мир (нормативной практики, модуса operandi). За каждым «знанием что» стоит определенное «знание как»¹.

По мнению Брэндома, значение Гегеля и его последователей в Европе и США состоит в осуществленной ими *натурализации* Канта: концептуальные нормы, регулятивы и принципы стали интерпретироваться как социально-практические установления, институции². Показав, что человеческое сознание (разумное для-себя-бытие) является продуктом исторического развития, Гегель, по выражению Брэндома, «спустил Канта с трансцендентальных небес на землю»³. Классики американского прагматизма продолжили и завершили эту натурализацию Канта. Ключевая идея У. Джеймса и Дж. Дьюи заключалась в том, что процессы эволюции (рода) и познавательной деятельности (субъекта) структурно идентичны: в обоих случаях речь идет о *приспособлении*, адаптации организмов к среде — селективном отборе одних элементов и «выбраковке» других. Ч. Пирс же распространил эту дарвиновскую эволюционно-натуралистическую модель объяснения на всю *неорганическую* природу. «Те самые регулярности, которые принимались учеными старшего поколения, привычными считать парадигмой науки скорее физику Ньютона, нежели биологию Дарвина, за вечные, неизменные, универсальные и неустрашимые законы природы, рассматриваются Пирсом как своего рода «габитусы» Вселенной, которые... представляют собой результат селективно-адаптационного динамического процесса развития природного мира»⁴.

Такому, по определению Брэндома, «онтологическому фаллибилизму» (представлению прагматистов об изначальной случайности/эмерджентности и изменчивости законов-

«привычек» природы) соответствует фаллибилизм эпистемологический (представление о принципиальной гипотетичности и погрешности всякого знания). Отличие радикального *эмпиризма* Джеймса–Шиллера–Дьюи от старых материалистических и сенсуалистских доктрин заключается в том, что «опыт» у них не статичен, а динамичен; это поток, а не состояние. Смысл, вкладываемый прагматистами в это понятие, близок скорее к гегелевскому *Erfahrung*, чем картезианскому *Erlebnis*. «Действительным результатом нашего опыта, говорят американские прагматисты, является не *обладание знанием*, какими-то его фрагментами или частями (items), а практическое *понимание*, усвоение и закрепление жизненных навыков, требуемых для адаптации и взаимодействия со средой. Это скорее *знание как*, а не *знание что*»⁵ — знание как «род деятельности»⁶.

Переломным этапом в развитии англо-американской философии XX века Брэндом считает «лингвистический поворот» 50–60-х годов⁷, создавший основу для «прагматизации» логического и семантического анализа — синтеза аналитической философии и прагматизма. Если философы-аналитики «старой закалки» ограничивались исследованием формализованных, искусственных языков наук (математики, логики, физики), то прагматисты-витгенштейнианцы сделали объектом изучения естественные языки, рассматриваемые *антропологически*, с точки зрения культурной и социобиологической эволюции. Их интерес сфокусировался не на *значении*, а на *употреблении*, на прагматике (дискурсивных практиках), а не семантике (референции).

Задачу прагматико-семантического анализа Брэндом видит в прояснении зависимости содержания лингвистических выражений и интенциональных состояний от *употребления* первых и *функциональной роли* вторых⁸. Гегель, которого Брэндом числит «семантическим прагматистом»⁹, по-своему рас-

¹ См.: Ibid. P. 47–48.

² См.: Brandom R. Some Pragmatist Themes in Hegel's Idealism: Negotiation and Administration in Hegel's Account of the Structure and Content of Conceptual Norms // European Journal of Philosophy. 1999. Vol. 7. № 2. P. 169.

³ См.: Brandom R. Articulating Reasons: An Introduction to Inferentialism. Cambridge, 2000. P. 33–34.

⁴ Brandom R. Perspectives on Pragmatism: Classical, Recent, and Contemporary. Cambridge, 2011. P. 6.

⁵ Ibid. P. 7.

⁶ Brandom R. Why Philosophy Paints its Blue on Grey: Irony and the Pragmatist Enlightenment // Pragmatism, Nation, and Race / Ed. by Ch. Katzer, E. Medietta. Bloomington, 2009. P. 24.

⁷ См.: The Linguistic Turn. Recent Essays in Philosophical Method / Ed. by R. Rorty. N.Y., 1967.

⁸ См.: Brandom R. Articulating Reasons: An Introduction to Inferentialism. Cambridge, 2000. P. 4.

⁹ См.: Brandom R. Tales of the Mighty Dead: Historical Essays

крывает эту зависимость в «Феноменологии духа» и «Энциклопедии философских наук». Содержание любого концепта, доказывает Гегель, не есть нечто раз и навсегда установленное, фиксированное и неизменное. Понятия *приобретают* определенное содержание в процессе их применения, и каждое новое применение доопределяет понятие, нагружая его новым значением¹. «Выражения означают то, что они означают, поскольку употребляются так, как употребляются; точно так же интенциональные состояния и отношения имеют какое-то содержание лишь постольку, поскольку играют определенную роль в экономике поведения тех, кто полагается их субъектом. Содержание, следовательно, необходимо рассматривать и описывать в терминах инференциальной уместности-обоснованности (propriety of inference), которая, в свою очередь, зависит от степени соответствия действий интенциональных субъектов нормам, установленным практикой. Исследование, таким образом, должно начинаться с рассмотрения того, что люди *делают*, и завершаться фиксацией того, что они *хотят сказать, выразить* (mean); *практика* подлежит исследованию в первую очередь, *содержание* выражений и состояний — во вторую»².

Брэндом-прагматист старательно избегает психологизма: понятиям «ментальное состояние», «верование» или «сомнение» в его словаре не находится места. Он предпочитает говорить о *нормативных деонтических статусах*. «Социальная практика — это игра, участники которой выступают носителями различных деонтических статусов — *обязательств* (commitments) и *правомочий* (entitlements) ... «Игроки», в соответствии с правилами игры, совершают «ходы», которые имеют практическое значение. Оно выражается в изменении статусов»³. Совершая некоторое действие или высказывая суждение, человек принимает на себя определенное обязательство (ручается в достоверности утверждения или оправданности поступка). Если эта претензия обоснованна, действие субъекта может считаться социально приемлемым, или *правомочным*. Нормативные статусы «обретаются» индивидами двояким способом: *признаются*

in the Metaphysics of Intentionality. Cambridge, 2002. P. 215.

¹ См.: Brandom R. Some Pragmatist Themes in Hegel's Idealism // European Journal of Philosophy. 1999. Vol. 7. № 2. P. 167–168.

² Brandom R. Making It Explicit. Cambridge, 1994. P. 134.

³ Ibid. P. 166.

(субъектом действия), принимаются на себя — либо *приписываются* (кому-то другому), налагаются на кого-то. Принятие (undertaking) и приписывание (attributing) обязательств — суть «фундаментальные деонтические установки (deontic attitudes)»⁴. Вне дискурсивных контекстов и практик, по ту сторону социального, никакой нормативности, разумеется, быть не может: статусы «создаются, а не находятся».

Лингвистическая коммуникация (дискурсивно-коммуникативная практика) сравнивается Брэндом со спортивной игрой: действия составляющих, их решения и «ходы» ведут к изменению счета. Разница в том, что каждый участник «игры в обмен доводами» *считает по-своему* — это такая игра, где нет одного общего счета⁵. Дискурсивные обязательства, приписываемые игроком А игроку В, могут не совпадать с обязательствами, приписываемыми игроку В игроком С, а дискурсивные обязательства, приписываемые игроком В игроку D, могут не совпадать с обязательствами, приписываемыми игроку D игроком Е, и т.д.⁶ Целью коммуникации является устранение этого несоответствия. Когда дискурсивные обязательства, принимаемые и приписываемые друг другу субъектами лингвистического взаимодействия, *совпадают* (когда, следовательно, преодолены все разногласия относительно содержания понятий и утверждений, логически прояснены и артикулированы их инференциальные связи и т.д.), достигается некое «*интерпретативное равновесие*», которое Брэндом определяет как состояние полного «социального само-сознания»⁷ (лингвистический эквивалент гегелевского «allgemeine Selbstbewußtsein»⁸ как «утверждающего знания себя самого в другой самости»⁹). Свобода высказываний, интерпретации и оценки, разумеется, ограничена *правилами игры*, едиными для всех участников коммуникации. Принимая на себя дискурсивное обязательство, т.е. совершая свой «ход», участник

⁴ Ibid. P. 508.

⁵ Ср.: Lewis D. Scorekeeping in a Language Game // Journal of Philosophical Logic. 1979. Vol. 8. P. 339–359 (в особенности, с. 342–346).

⁶ Brandom R. Making It Explicit. Cambridge, 1994. P. 185.

⁷ Ibid. P. 643. См. также: Wanderer J. Robert Brandom. Durham, 2008. P. 79–81.

⁸ «Всеобщее самосознание» — нем.

⁹ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. М. 1977. С. 247.

вместе с тем принимает и все логически вытекающие (consequential) обязательства. «Каждый ход ставит его перед необходимостью совершения каких-то последующих ходов»¹. Например, утверждая: «Скатерть на столе красного цвета», я с необходимостью признаю: «Ткань, из которой изготовлена скатерть, окрашена [в красное]» («кроме того, дискурсивное обязательство, которое я принимаю, должно исключать, как несовместимое с ним, утверждение «Скатерть зеленого [синего, белого, желтого...] цвета»). Правила игры в обмен доводами таковы, что в ней не может быть «холостых», не влекущих инференциальных последствий ходов (*ампливативное* требование²). Понимание содержания высказываний и значения терминов, употребляемых собеседниками, требует *пред-*понимания этих выводных отношений, связывающих одно дискурсивное обязательство с другим.

Итак, «игроки в обмен доводами» подчиняются общим правилам, которые не подлежат изменению. Играя в шахматы или в какую-нибудь другую игру, занимаясь научным исследованием или философской работой, мы вольны совершать любые разрешенные правилами ходы любыми фигурами или употреблять любые специальные термины, но мы не вправе самостоятельно, по своему произвольному разумению, определять, каким должно быть *значение* этих действий (перемещения фигур на доске или использования терминов в рассуждении), т.е. каковы инференциальные следствия наших самостоятельных решений-ходов. К примеру, я могу утверждать, что монета, которую я держу на ладони, не серебряная, а медная. Коль скоро я на этом настаиваю, я должен признать, что монета расплавится при температуре 1084 °С. В противном случае (если выводное предположение о температуре плавления окажется ложным, не соответствующим действительности) истинность моего утверждения о монете, изготовленной из меди, а не серебра, может быть поставлена под сомнение моим собе-

седником, достаточно осведомленным в предмете. Утверждая нечто, высказывая суждение или совершая поступок, я, следовательно, не просто ручаюсь в предполагаемой истинности своих слов и оправданности поступков, но и *запрашиваю признание* со стороны тех, кого сам не могу не считать компетентным в данном вопросе (химики знают, что температура плавления меди 1084 °С, а серебра — 960 °С). Признанием с их стороны будет определенная (положительная) оценка моих слов и поступков — *приписывание* мне соответствующих (вполне обоснованных и правомочных, с их точки зрения) обязательств³. Утверждение, выражающее неправомерное обязательство, т.е. такое обязательство, легитимность которого не признается собеседниками или интерпретаторами (scorekeepers), «инференциально ничтожно»⁴ и не имеет практической силы. Высказываясь без оснований, субъект нарушает установленные правила дискурсивной игры, злоупотребляя доверием собеседников. Действия подобного рода аналогичны невыполнению обещания, считаются неприемлемыми и осуждаются. Чаще всего их результатом оказывается частичная или полная утрата доверия к субъекту высказывания (как в притче о мальчике, кричавшем «волки! волки!»)⁵ — *не-признание* человека, *Mißachtung*⁶.

Так гегелевская тема «борьбы за признание» находит свое продолжение в лингвистическом прагматизме Брэндома. Признание — *Anerkennung* — мыслится Брэндомом как нормативное отношение, связывающее одного члена языкового сообщества с другим. Признавая кого-то, мы рассматриваем (и принимаем) его как субъекта определенного интенционального состояния (state), носителя знания или практического умения, — а кроме того, признаем в нем «интерпретатора», *приписывающего*, в свою очередь, некоторые аналогичные компетенции кому-то другому. Статус члена сообщества производится и подтверждается этим взаимным (*gegenseitig*) признанием индивидов⁷. Момент взаимности исключительно важен. Ходатайство о признании статуса (членства в сообществе),

¹ Brandom R. *Articulating Reasons: An Introduction to Inferentialism*. Cambridge, 2000. P. 192. См. также: Brandom R. *Tales of the Mighty Dead: Historical Essays in the Metaphysics of Intentionality*. Cambridge, 2002. P. 7.

² «Ампливативными» (или синтетическими) Ч. Пирс называл выводы рассуждений, которые, в отличие от выводов аналитических, расширяют наше знание о предмете (англ. «amplify» — усиливать, распространять, расширять). См.: Brandom R. *Reason in Philosophy*. Cambridge, 2009. P. 52.

³ См.: Ibid. P. 72–73.

⁴ Brandom R. *Making It Explicit*. Cambridge, 1994. P. 179.

⁵ См.: Ibid. P. 180.

⁶ «Пренебрежение», «игнорирование», «презрение» — нем.

⁷ См.: Brandom R. *Making It Explicit*. Cambridge, 1994. P. 67.

с точки зрения субъекта *ходатайствующего* — того, кто ищет признания, — оправданно и осмысленно лишь при условии, если данный субъект сам признает статус других — адресатов запроса — в качестве тех, чье признание обеспечивает статус члена сообщества. Я могу считать себя хорошим философом или шахматным игроком только в случае, если меня признают в этом качестве те, кого я, со своей стороны, признаю хорошими игроками или философами. То есть признание должно быть обоюдным и равным (таковым не является, по логике Брэндома, «одностороннее и неравное»¹, только «формальное»² признание господина рабом у Гегеля: один индивид, а именно господин, признан другим индивидом, рабом, который волею господина лишен человеческого достоинства и оставлен непризнанным)³.

Люди ищут признания и борются за него во всех сферах жизни — в политике так же как в спорте, в науке так же как в бизнесе. По мнению Брэндома, диалектика «двойного признания» лучше всего раскрывается в юридико-правовой и судебной практике (ведь статусы, принимаемые и приписываемые субъектами лингвистического взаимодействия, как подчеркивает американский философ, носят деонтический, *нормативный* характер). Англосаксонская правовая традиция в этом отношении наиболее показательна. Всякое решение, принимаемое профессиональным судьей в США, Великобритании или Австралии, может рассматриваться или не рассматриваться его коллегами-судьями как прецедентное, т.е. приниматься или не приниматься за образец, *opus exemplaris*. Нормативный статус судьи, его право интерпретатора и оценщика, признается — *имплицитно* — предшествующими судьями (теми, чьи решения подлежат рассмотрению

и признанию или непризнанию в качестве прецедентных этим судьей как «преемником»), а также — *эксплицитно* — позднейшими судьями (теми, кто будет в дальнейшем, полагаясь на авторитет судьи как предшественника, рассматривать и оценивать его суждение как прецедентное). Будущее относится к настоящему так же, как настоящее к прошлому. Следовательно, всякий судья выступает одновременно и оценщиком и оцениваемым, и интерпретатором и интерпретируемым, и субъектом признания и объектом такового⁴. Это весьма специфическая форма признания-*Anerkennung* — признания, которое производит и подтверждает принадлежность субъекта высказывания/действия к сообществу особого рода, а именно *историческому* сообществу, *традиции*⁵. «Казалось бы, положение судей ассиметрично. Последнее слово всегда остается за действующим судьей: он может проигнорировать или отвергнуть как иррелевантное любое предшествующее решение... Требование согласовывать принимаемые решения с вердиктами судей-предшественников, рассматриваемыми как прецедентные, оказывается тогда чисто *формальным*, ни к чему не обязывающим»⁶. Однако это не так, убежден Брэндом. «Верность судей традиции обеспечивается теми, кто должен прийти им на смену. Всякий судейский вердикт считается прецедентным, а стало быть, нормативно значимым, только в том случае и тогда, когда признается преемниками. Если последние, целиком полагаясь на свое видение традиции, сочтут данный вердикт необоснованным, мнение их коллеги-предшественника, вынесшего сомнительное решение, не будет иметь никакой юридической силы. Признанием своей безусловной значимости и легитимности для настоящего прошлое обязано будущему»⁷. В этой трехчастной (гегелевской) модели исторического развития и преемства будущему отводится роль *ultimum arbiter*: оно «блюдет место» традиции и норма-

¹ Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. СПб., 2006. С. 104.

² Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. М., 1977. С. 246.

³ См.: Brandom R. Reason in Philosophy. Cambridge, 2009. P. 70–71; Idem. Tales of the Mighty Dead: Historical Essays in the Metaphysics of Intentionality. Cambridge, 2002. P. 54, 216–218; Idem. Georg Hegel's «Phenomenology of Spirit» // Topoi. 2008. Vol. 27. P. 161–162. Ср.: Кожев А. Гегель, Маркс и христианство // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 136 («... нельзя быть удовлетворенным, не будучи «признанным» тем, кого мы сами «признаем»»); Рикёр П. Путь признания. М., 2010. С. 24 («... просьба о признании выражает ожидание, которое может быть удовлетворено лишь в форме взаимного признания»).

⁴ См.: Brandom R. Tales of the Mighty Dead: Historical Essays in the Metaphysics of Intentionality. Cambridge, 2002. P. 230–233.

⁵ См.: Brandom R. Reason in Philosophy. Cambridge, 2009. P. 103, а также: Wanderer J. Robert Brandom. Durham, 2008. P. 204–206.

⁶ Brandom R. Tales of the Mighty Dead: Historical Essays in the Metaphysics of Intentionality. Cambridge, 2002. P. 232.

⁷ Ibid. P. 233. См. также: Brandom R. Some Pragmatist Themes in Hegel's Idealism // European Journal of Philosophy. 1999. Vol. 7. № 2. P. 179–182.

тивной практики, выступает посредником-посредником-примирителем прошлого с настоящим.

Пропозициональное содержание обязательства, приписываемых субъекту высказывания его собеседником и интерпретатором, может, согласно теории Брэндома, специфицироваться двумя различными способами — в модусе *de dicto* и в модусе *de re*. В первом случае пропозиция (то, что утверждается) понимается и воспроизводится в терминах автора, говорящего или пишущего, второй же способ интерпретации предполагает раскрытие объективного содержания утверждения в терминах уже не субъекта высказывания, а коммуниканта-интерпретатора, соотносящего данное содержание с известными ему фактами (с тем, о чем говорится). «Сама возможность понимания собеседника, рассмотрения и использования его утверждений в качестве инференциальных посылок в рассуждениях, обеспечивается нашей способностью интерпретировать их содержание в *de re*, а не исключительно лишь в *de dicto* модальности»¹. Возьмем, к примеру, высказывание врача-кардиолога: «Шарманка фальшивит». Только если мы знаем, что слово «шарманка» на медицинском жаргоне означает электрокардиограф, а «фальшивой игрой» называют неточную регистрацию аппаратом импульсов сердца, мы сможем понять и верно интерпретировать высказывание. *De dicto* спецификации: «Врач говорит, что шарманка фальшивит», будет соответствовать *de re* спецификация: «Врач сообщает о том, что электрокардиограф вышел из строя». Перевод пропозиции в модальность *de re* позволяет преодолеть дискурсивный разрыв между субъектом высказывания и интерпретатором. Благодаря этому переводу мы получаем возможность не только правильно понимать собеседника, но и оценивать его высказывания на истинность или ложность, одновременно решая, принимать или не принимать соответствующее — *замещающее* (substitutional) — дискурсивное обязательство².

Субъект высказывания/действия, полностью отдавая себе отчет в том, что он говорит или делает, может не понимать (или понимать ложно) то, о чем он говорит (на что направлено его действие). Прояснение этого является

целью *de re* интерпретации³. Интерпретатор (наблюдатель и критик, выносящий вердикт «истинно» или «ложно») оказывается всегда в преимущественной позиции: он видит и знает существенно больше, нежели те, чьи высказывания, интенции и поступки интерпретируются и оцениваются. Отличительный признак *de re* описаний — «репрезентациональные» обороты и словоформы: «about» (англ. «о»), «represents» (англ. «представляет», «репрезентирует»), «of» (выражение предложного падежа в словосочетаниях типа «thinking of ...», «talking of ...», «dreaming of ...»). Предлоги «of» и «about» Брэндом называет «интенциональными тропами»⁴; они «выражают интенциональную направленность наших мыслей и слов»⁵ и помогают отделить обязательства *приписываемые* от *принимаемых*⁶.

De re и *de dicto* интерпретации применяются в различных дискурсах, в том числе в историческом и историко-философском. Двум интерпретативным стратегиям соответствуют два метода (или «жанра», в терминологии Рорти) историографии — методы *рациональной* и *исторической* реконструкции. В англоязычной традиции преобладает установка *de re* — рационально-реконструктивной интерпретации и оценки философских концепций прошлого в терминах более поздней (современной исследователю) философии. Такие исторические исследования позволяют ответить на главный, с точки зрения рационального реконструктора-интерпретатора, вопрос: являются ли рассматриваемые суждения истинными или ложными, и в чем состоит действительное содержание обязательств, приписываемых историком мыслителю прошлого. В отличие от *de re* реконструкций, *de dicto* интерпретации предполагают более углубленное и беспристрастное изучение материала, «вчитывание» в текст. Исследователи, работающие в этом жанре, стараются «описывать предшественников в их собственных терминах», представляя их заблуждения и ошибки (в контексте эпохи

³ См.: Brandom R. Inferentialism and Some of Its Challenges // Reading Brandom / Ed. by B. Weiss, J. Wanderer. L.; N.Y., 2010. P. 172–173.

⁴ Brandom R. Articulating Reasons: An Introduction to Inferentialism. Cambridge, 2000. P. 20.

⁵ Ibid. P. 169.

⁶ Ibid. P. 183.

¹ Brandom R. Making It Explicit. Cambridge, 1994. P. 513.

² См.: Ibid. P. 514–517.

и с учетом всех исторических обстоятельств) менее случайными и абсурдными¹.

Как историк философии, Брэндом отдает предпочтение жанру рационально-реконструктивной интерпретации. Он сравнивает *de re* реконструкцию с джазовым стилем *бибоп*. Этот стиль исполнения характеризуется сложными темповыми импровизациями и основывается на обыгрывании аккордов (в отличие от последовательной разработки какой-то одной, заданной композитором музыкальной темы). «Простому воспроизводству знакомой мелодии, словно ускользающей в бибоповских вариациях, соответствует *de dicto* спецификация концептуального содержания текста. Но лучше узнать и прочувствовать мелодию чаще всего помогают нам именно эти интерпретативные вариации, иногда достаточно радикальные и смелые, — *de re* описания, состоящие в реконтекстуализации концептуального содержания исследуемого (музыкального или философского) материала»².

Даже на уровне терминологии, используемой Брэндомом в теоретических разделах его историко-философских очерков, посвященных Канту, Гегелю и прагматистам, легко прослеживается влияние «текстуалиста» Рорти. Задачу историка Брэндом, как и Рорти, видит не в постижении изначального — аутентичного — смысла литературных, философских или исторических памятников, а в «реконтекстуализации» и «переописании» текстов, «разыгрывании одних конечных словарей против других»³. «Это разыгрывание, — поясняет Рорти, — является смыслом деятельности, которую мы называем «критикой»..., т.е. перемещением книг из одного контекста в другой, — одних книг в контекст других книг... Критика того или иного конечного словаря может осуществляться лишь изнутри другого конечного словаря; ответом на переписание может быть только пере-переписание»⁴. Рорти, к примеру, «переописывает» Гегеля, Ницше и Дарвина так, что они оказываются предтечами прагматистов. Брэндом схожим образом поступает с немецкой

классикой. Он деонтологизирует Гегеля, «подгоняя» его под проблематику и канон логикилингвистической и прагматической философии второй половины XX века⁵.

Конечно, «осовременивание» Канта и Гегеля имеет свои пределы. По мнению Рокмора, аналитические прагматисты Брэндом, Макдауэл, Бернштейн, Решер и др. склонны преувеличивать сходство взглядов, которые они разделяют, с гегелевской метафизикой (логикой) и диалектикой. Брэндом, к примеру, считает, что Гегель в «Феноменологии духа» предвосхитил «антирепрезентационистский подход Куайна к знанию». «Но Куайн, — возражает Рокмор, — первый был бы удивлен одобрительным сравнением себя с Гегелем. Разницу между ними — которая очень велика — можно игнорировать, только смешав воедино куайновскую аскетическую, асоциальную форму холизма с гегелевской глубоко социальной исторической формой оправдания»⁶. *Историзм* Гегеля и его ранних последователей существенно отличает-

⁵ См.: Redding P. *Analytic Philosophy and the Return of Hegelian Thought*. Cambridge, 2007. P. 15–16; Pippin R. *Brandom's Hegel* // *European Journal of Philosophy*. 2005. Vol. 13. № 3. P. 381–408; De Laurentiis A. *Not Hegel's Tales* // *Philosophy and Social Criticism*. 2007. Vol. 33. № 1. P. 83–98; Houlgate S. *Phenomenology and De Re Interpretation: A Critique of Brandom's Reading of Hegel* // *International Journal of Philosophical Studies*. 2009. Vol. 17. № 1. P. 29–47. Чтобы доказать актуальность Гегеля для современной мысли, Брэндом прибегает к самым разным «реконтекстуалистским» приемам. Так, в 2008 году в одном из американских журналов была опубликована его полушуточная рецензия на «Феноменологию духа» — «новую книгу малоизвестного в англоязычной университетской среде философа из Йены». Автор книги, пишет Брэндом, «глубоко проанализировал и оригинально переосмыслил» идеи ряда широко обсуждаемых, но почему-то не названных им европейских и американских мыслителей («рецензент» же не считает нужным скрывать: это Витгенштейн, Куайн, Кун, Фуко, Хабермас). Проявив незаурядную интеллектуальную смелость и теоретическую изобретательность, «мистер Гегель» развил на этом материале собственную концепцию, придав ей форму «систематического метанарратива». В заключение очерка Брэндом выражает надежду, что столь нетривиальная форма презентации мысли, при всей ее «пугающей архаичности и громоздкости», не станет препятствием для терпеливого и вдумчивого читателя, следящего за новейшими тенденциями в мировой философии (см.: Brandom R. *Georg Hegel's «Phenomenology of Spirit»* // *Topoi*. 2008. Vol. 27. № 1–2. P. 161–164).

⁶ Рокмор Т. Гегель и границы аналитического гегельянства // *Вопросы философии*. 2002. № 7. С. 87.

¹ См.: Rorty R. *The Historiography of Philosophy: Four Genres // Philosophy in History* / Ed. by R. Rorty, J. B. Schneewind, Q. Skinner. Cambridge, 1984. P. 49–56.

² Brandom R. *Tales of the Mighty Dead: Historical Essays in the Metaphysics of Intentionality*. Cambridge, 2002. P. 117.

³ Rorty R. *Contingency, Irony, and Solidarity*. Cambridge, 1989. P. 78.

⁴ *Ibid.* P. 80.

ся от *контекстуализма* прагматистов рубежа XX–XXI вв. Учитывая давление аналитической традиции, кажется маловероятным, что это

различие (историзм vs контекстуализм) нынешним прагматистам и гегельянцам удастся с легкостью обойти или «снять».

Список литературы:

1. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. М., 1977.
2. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. СПб., 2006.
3. Кожев А. Гегель, Маркс и христианство // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 128–143.
4. Рикёр П. Путь признания. М., 2010.
5. Рокмор Т. Гегель и границы аналитического гегельянства // Вопросы философии. 2002. № 7. С. 80–90.
6. Brandom R. Making It Explicit. Cambridge, 1994.
7. Brandom R. Some Pragmatist Themes in Hegel's Idealism // European Journal of Philosophy. 1999. Vol. 7. № 2. P. 164–189.
8. Brandom R. Articulating Reasons: An Introduction to Inferentialism. Cambridge, 2000.
9. Brandom R. Tales of the Mighty Dead: Historical Essays in the Metaphysics of Intentionality. Cambridge, 2002.
10. Brandom R. Kantian Lessons About Mind, Meaning, and Rationality // Philosophical Topics. 2006. Vol. 34. № 1–2. P. 1–20.
11. Brandom R. Inferentialism and Some of its Challenges // Philosophy and Phenomenological Research. 2007. Vol. 74. № 3. P. 651–676.
12. Brandom R. Georg Hegel's «Phenomenology of Spirit» // Topoi. 2008. Vol. 27. № 1–2. P. 161–164.
13. Brandom R. Reason in Philosophy. Cambridge, 2009.
14. Brandom R. Why Philosophy Paints its Blue on Grey: Irony and the Pragmatist Enlightenment // Pragmatism, Nation, and Race / Ed. by Ch. Katzer, E. Medietta. Bloomington, 2009. P. 19–45.
15. Brandom R. Classical German Philosophy, American Pragmatism and Inferentialist Semantics // Philosophical Analysis. 2010. Vol. 1. № 1. P. 170–177.
16. Brandom R. Perspectives on Pragmatism: Classical, Recent, and Contemporary. Cambridge, 2011.
17. De Laurentiis A. Not Hegel's Tales // Philosophy and Social Criticism. 2007. Vol. 33. № 1. P. 83–98.
18. Houlgate S. Phenomenology and De Re Interpretation: A Critique of Brandom's Reading of Hegel // International Journal of Philosophical Studies. 2009. Vol. 17. № 1. P. 29–47.
19. Lewis D. Scorekeeping in a Language Game // Journal of Philosophical Logic. 1979. Vol. 8. P. 339–359.
20. Pippin R. Brandom's Hegel // European Journal of Philosophy. 2005. Vol. 13. № 3. P. 381–408.
21. Redding P. Analytic Philosophy and the Return of Hegelian Thought. Cambridge, 2007.
22. Rorty R. The Historiography of Philosophy: Four Genres // Philosophy in History / Ed. by R. Rorty, J. B. Schneewind, Q. Skinner. Cambridge, 1984. P. 49–75.
23. Rorty R. Contingency, Irony, and Solidarity. Cambridge, 1989.
24. Wanderer J. Robert Brandom. Durham, 2008.

References (transliteration):

1. Gegel» G.V.F. Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 3. M., 1977.
2. Gegel» G.V.F. Fenomenologiya dukha. SPb., 2006.
3. Kozhev A. Gegel», Marks i khristianstvo // Voprosy filosofii. 2010. № 10. S. 128–143.
4. Riker P. Put» priznaniya. M., 2010.
5. Rokmor T. Gegel» i granitsy analiticheskogo gegel'yanstva // Voprosy filosofii. 2002. № 7. S. 80–90.